

В начале было не слово — началом была суггестия

Забытые прозрения Б. Ф. Поршнева и некоторые межконцептуальные психологические и социологические параллели

Е. Н. Волков, Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского

Сокращённый вариант опубликован:

Волков Е. Н. В начале было не слово — началом была суггестия. Забытые прозрения Б. Ф. Поршнева и некоторые межконцептуальные психологические и социологические параллели // Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека. Сборник статей. — СПб.: Пушкинский проект, 2004. — С. 100-105. (0,3 п.л.)

Введение.....	1
Примечания.....	15
Торможение, интердикция и суггестия.....	2
1. Высшая форма торможения позвоночных.....	2
2. От интердикции к суггестии.....	4
Генезис речи-мышления: суггестия и дипластия.....	5
Суггестия.....	8
Кодирование (социальное непонимание). Слова и вещи.....	10
Возникновение коммуникативно-информационной функции речи.....	11
Суггестия и трансактный анализ.....	13

Введение

Проблема внушения (суггестии) является в определенном смысле ключевой для понимания специфики человеческого взаимодействия и большей части того, что обычно относят к процессам социального влияния. Чтобы правильно понять какое-либо явление или процесс, нужно проследить его возникновение, из чего и как это явление вырастает.

В этой статье я хочу обратить внимание на концепцию возникновения и сущности суггестии советского ученого-обществоведа Б. Ф. Поршнева, а также на интересные параллели и пересечения с этой концепцией некоторых социально-психологических и социологических научных подходов. Форма, избранная для этой цели, — своего рода мини-хрестоматия с моими комментариями. Для филологов и искусствоведов эти наброски, как мне представляется, будут интересны междисциплинарным обогащением представлений о том, как «работает» воздействие текста или нетекстового произведения искусства как продуктов, произведенных одним человеком (группой людей) для оказания влияния на другого человека (группу людей); а для психологов и социологов могут быть интересны межконцептуальные связи, намечаемые здесь.

В максимально широком смысле проблема состоит в том, как наши предки смогли перейти от регулирования своего поведения безусловными рефлексам (инстинктами) и иными биологическими (первосигнальными) механизмами к внебиологическим (второсигнальным) способам воздействия на поведение родственных особей и на собственное индивидуальное поведение и к каким последствиям привел такой переход. Любопытно, что две фундаментальные попытки ответа на этот вопрос, причем обе в той или иной степени учитывающие социально-психологическое и социологическое наследие К. Маркса, были предприняты практически одновременно в 60-х годах прошлого века, одна на Западе, другая — в СССР. Первая стала достаточно известна в России лишь после перевода на русский язык соответствующей монографии в 1995 г., а вторая оказалась почти забытой после труда, изданного в СССР в

1974 г. Я имею в виду работу П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»¹ и труд Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории»².

Мне кажутся неслучайными еще несколько совпадений: в конце 1960-х годов на Западе были опубликованы исследования, показавшие преобладающую зависимость поведения человека от внешних ситуационных факторов, а не от устойчивых внутренних черт личности³; в это же время самарский психотерапевт М. Л. Покрасс, отрезанный «железным занавесом» от мировой психологии, создал оригинальный вариант бихевиоризма (о существовании которого он узнал несколько позже) и поведенческой терапии⁴. В период же с 1950-х по 1970-е годы канадско-американский социолог И. Гофман развивал свою оригинальнейшую концепцию социального взаимодействия⁵. На это же время приходится возникновение и развитие концепции трансактного анализа Эрика Берна⁶.

Почему я перечислил именно эти социологические и психологические концепции в связи с проблемой внушения? Потому, что все они в качестве главного стержня содержат идею, что «общество можно понять через анализ взаимодействия и взаимовлияния индивидов» — так сформулировал эту парадигму один из российских комментаторов работ И. Гофмана⁷. Если же использовать одно из понятий, использованных Б. Поршневым, то все их можно назвать коммуникативно-инфлюативными (от influence — влияние). М. Папуш называет это «коммуникативным подходом к психике»⁸.

У концепций двух названных советских психологов есть и более конкретные общие черты, прежде всего, опора на развитие идей российских физиологов И. М. Сеченова, А. А. Ухтомского, И. П. Павлова. Перечисленные же зарубежные концепции объединяет, кроме уже названной парадигмы, еще и сильный социально-психологический контекст. И из всех этих концепций именно гипотеза Б. Ф. Поршнева является своего рода ключевой, исходной, поскольку прямо пытается решить проблему, сформулированную в начале этой статьи, тогда как остальные названные концепции берутся лишь за объяснение уже сложившегося социального взаимодействия.

Мне известны только два автора, попытавшиеся подхватить хотя бы некоторые идеи Б. Поршнева, и для более подробного погружения в предмет рекомендую именно их — О. Т. Вите⁹ и М. П. Папуша¹⁰. Дальнейший текст представляет как извлечения из статей этих ученых, один из которых экономист, а другой — психотерапевт, так и выбранные мною цитаты из главного труда Б. Поршнева и небольшие комментарии к ним с указанием некоторых межконцептуальных пересечений или параллелей. Для удобства ориентации в большом количестве цитат я ввел обозначения: НАЧАЛО ЦИТАТЫ <НЦ> и КОНЕЦ ЦИТАТЫ <КЦ>.

Торможение, интердикция и суггестия

Предоставляю первое слово О. Т. Вите, который в 5-й главе своей статьи о научном наследии Б. Поршнева «Физиология высшей нервной деятельности» выделяет два параграфа: «Высшая форма торможения позвоночных» и «От интердикции к суггестии», воспроизводимые здесь почти без купюр¹¹:

<НЦ> «Вторым важнейшим «вторжением» Поршнева в смежные науки были его исследования в области физиологии высшей нервной деятельности.

1. Высшая форма торможения позвоночных.

Обратившись к классическим исследованиям Павлова и Ухтомского, Поршнева поставил точку в их едва ли не забытом сегодня многолетнем споре о том, как работает центр, «управляющий» поведением животного. Суть осуществленного Поршневым «синтеза» состояла в предложении «бидоминантной модели» (См.: Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. — Глава 4. Тормозная доминанта):

“В каждый данный момент жизнедеятельности организма, как правило, налицо два центра (две группы, констелляции центров на разных этажах), работающих по противоположным принципам: один — «по Павлову», по принципу безусловных и условных рефлексов, другой

— «по Ухтомскому», по принципу доминанты. Один — полюс возбуждения, другой — полюс торможения. Один внешне проявляется в поведении, в каком-либо действии организма, другой внешне не проявляется, скрыт, невидим, так как он угашен притекающими к нему многочисленными бессвязными, или диффузными, возбуждениями. Однако при всем их антагонизме на первом полюсе [...] в подчиненной форме тоже проявляется принцип доминанты, а на втором опять-таки в подчиненной форме проявляется принцип безусловных и условных рефлексов» (Там же, с. 261-262).

Принцип доминанты реализуется полностью лишь на полюсе торможения, то есть в качестве *тормозной доминанты*. Но при этом сохраняется возможность инверсии этих центров, возможность «инверсии тормозной доминанты».

Все внешние стимулы, попадая в сенсорную сферу животного, дифференцируются на «относящиеся к делу» и «не относящиеся к делу». Первые направляются в «центр Павлова», вторые — в «центр Ухтомского». В соответствии с принципом доминанты этот второй центр быстро «переполняется» и переходит в фазу торможения. Иначе говоря, все, что может помешать нужному действию, собирается в одном месте и решительно тормозится. Тем самым «центр Ухтомского» обеспечивает возможность «центру Павлова» выстраивать сложные цепи рефлекторных связей (первая сигнальная система) для осуществления биологически необходимого животному «дела» без помех:

“Согласно предлагаемому взгляду, всякому возбужденному центру (будем условно для простоты так выражаться), доминантному в данный момент в сфере возбуждения, сопряжено соответствует какой-то другой, в этот же момент пребывающий в состоянии торможения. Иначе говоря, с осуществляющимся в данный момент поведенческим актом соотнесен другой определенный поведенческий акт, который преимущественно и заторможен” (Там же, с. 245).

Именно такие скрытые «поведенческие акты», полезные животному лишь своей «притягательной» для всего ненужного силой, и обнаруживаются физиологом-экспериментатором в так называемой «ультрапарадоксальной» фазе в виде «неадекватного рефлекса»: животное вместо того, чтобы пить, вдруг начинает «чесаться» и т.п.

Этот «спаренный» механизм «Павлова-Ухтомского» таит в себе целый переворот в животном мире, ибо открывает возможность одному животному вторгаться в «действия» другого. Ведь если удастся перевести в активную форму заторможенное действие, то парализованным оказывается сопряженное с ним, биологически полезное в данный момент для животного «действие», ибо уже центр, обеспечивавший последнее «по Павлову», переходит в режим работы «по Ухтомскому». Для того, чтобы на основе такой «инверсии тормозной доминанты» возникла система дистантного взаимодействия, необходимо еще одно звено — имитация, подражание (Следует упомянуть, что физиологическая природа имитативного рефлекса, насколько мне известно, до сих пор не ясна. Во всяком случае, во времена написания книги Поршнева это было так. — Прим. О. В.): активная сторона взаимодействия осуществляет некое действие, которое, будучи «сымитированным» пассивной стороной, автоматически тормозит действие, осуществляемое последней:

“Соединение этих двух физиологических агентов — тормозной доминанты и имитативности — и дало новое качество, а именно возможность, провоцируя подражание, вызывать к жизни «антидействие» на любое действие, то есть тормозить у другого индивида любое действие без помощи положительного или отрицательного подкрепления и на дистанции” (См.: Поршнева Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. Сборник статей. Под ред. Л. И. Анцыферовой и Б. Ф. Поршнева — М.: Наука, 1971. С. 15).

Такое дистантное (опосредованное имитативным рефлексом) нейросигнальное воздействие одной особи на другую Поршнева назвал «*интердикцией*»¹². Вот приведенный Поршневым пример «оборонительной» интердикции в стаде:

“Какой-то главарь, пытающийся дать команду, вдруг принужден прервать ее: члены стада срывают этот акт тем, что в решающий момент дистантно вызывают у него, скажем, почесывание в затылке или зевание, или засыпание, или еще какую-либо реакцию, которую в нем

неодолимо провоцирует (как инверсию тормозной доминанты) закон имитации” (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — С. 350).

Таким примером Поршнев иллюстрирует необходимые условия появления интердикции. Она появляется именно тогда, когда человеческому предку, обладающему сильно развитым имитативным рефлексом, в силу меняющейся экологической среды все чаще приходилось скапливаться во все более многочисленные и случайные по составу группы, где такой рефлекс не просто становился опасным — его преодолимая сила уже грозила “биологической катастрофой” (Там же, с. 343). Интердикция, одолевая преодолимую (ничем иным) силу имитации, как раз и предотвращает эту угрозу.

Таким образом, имитация играет в становлении интердикции двоякую роль. С одной стороны, развитый имитативный рефлекс предоставляет канал для передачи самого интердиктивного сигнала. С другой, этот же развитый имитативный рефлекс превращает интердиктивное сигнальное воздействие в необходимое условие выживания данного вида.

Интердикция — пишет Поршнев — “составляет высшую форму торможения в деятельности центральной нервной системы позвоночных” (Там же, с. 334).

Анализ имеющихся данных об экологических нишах, в которых на разных этапах приходилось «бороться за существование» предку человека, об эволюции его головного мозга, о беспрецедентно тесных отношениях с огромным числом других животных приводит Поршнева к двоякому выводу (См. там же. — Глава 5. Имитация и интердикция; Глава 6. У порога неантропов):

1. у человеческого предка были все анатомические и физиологические предпосылки для освоения интердикции;
2. без освоения подобных инструментов человеческий предок был обречен на вымирание.

«Открыв» для себя интердикцию в качестве способа сигнального воздействия на себе подобных, человеческий предок немедленно приступил к распространению этой практики по отношению ко всем остальным животным. Исследования Поршнева привели его к выводу, что человеческий предок «практиковал» интердикцию в самых широких масштабах, по отношению ко множеству самых разных млекопитающих — хищников и травоядных — и даже птиц.

Освоение интердикции позволило предку человека занять совершенно уникальную экологическую нишу, выстроить невиданные до него в животном мире симбиотические отношения.

2. От интердикции к суггестии

Спокойная и комфортная жизнь продолжалась, однако, не вечно. Постепенно созрел очередной экологический кризис (тот самый, выходом из которого оказалась дивергенция).

Этот кризис настолько глубоко затронул экологическую нишу палеоантропа, что даже те почти «предельные» в животном мире инструменты адаптации, которые он успел приобрести, проходя через предыдущие кризисы, не гарантировали его от неумолимо надвигающейся очередной угрозы вымирания.

Непреодолимые трудности жизни в условиях кризиса вновь вынуждали палеоантропа к энергичному поиску новых, выходящих за рамки прежнего опыта, путей адаптации (то есть палеоантроп занялся делом, до боли знакомым современному российскому «неантропу»).

И дело пошло, когда палеоантроп, основательно отшлифовавший на других животных свое мастерство в области интердикции, вознамерился применить этот мощный инструмент к себе подобным, к другим палеоантропам. Таким образом, круг, пройденный интердикцией, замкнулся: возникшая внутри больших скоплений палеоантропов и адаптированная для применения исключительно по отношению к другим животным интердикция вернулась во внутренние отношения палеоантропов между собой. Но задача, которую она решала теперь, была другая: нейтрализовать действие не имитативного рефлекса, как в начале пути, а ре-

флекса, запрещавшего убивать. Это и вывело палеоантропа на тропу дивергенции — «выращивания» нового вида, особо податливого на интердикцию.

Жизнь, однако, быстро подсказала, что верхние лобные доли, надежно обеспечивающие податливость на интердикцию, в случае, если начать практиковать интердикцию уже внутри собственно «большелобых», способны предоставлять такие инструменты сопротивления ей, которые остальным животным принципиально недоступны. Таким образом, «выведа» полезную для себя породу — неантропов, палеоантропы вышли на совершенно не приемлемый для животного мира «побочный» результат: они вытолкнули неантропа из зоологического режима развития в социальный.

Дальше совсем коротко. Поршневу реконструирует три ступени развития нейросигнального дистантного взаимодействия (Там же, с. 430-432): интердикция I (на пороге дивергенции, описана выше), интердикция II (разгар дивергенции, торможение интердикции I, или «самооборона») и интердикция III, или «суггестия» (перенесение отношений дивергенции в мир самих неантропов). Суггестия — это уже порог собственно человеческой речи. «Полная зрелость суггестии», — пишет Поршневу, — «отвечает завершению дивергенции» (Там же, с. 442). Соотношение между тремя этими ступенями — поясняет Поршневу — можно условно сравнить с соотношением «нельзя» — «можно» — «должно».

Переход со ступени на ступень происходил, естественно, не без естественного отбора из многочисленных мутаций, масштаб и разнообразие которых были спровоцированы кризисом, а значит, и не без множества неустойчивых переходных форм. И только у одной из мутаций — неантропа — третья ступень (суггестия) этим отбором была надежно и навсегда закреплена. Выше было показано, что от такого закрепления биологическую пользу извлек вначале вовсе не сам неантроп. Последнему еще много предстояло потрудиться для того, чтобы обернуть вредное приобретение себе на пользу.

Первыми шагами такого развития, выходящими за рамки биологической эволюции, то есть не требовавшими уже изменения анатомии и физиологии нового животного, стало возникновение «контрсуггестии» — инструмента сопротивления суггестии — и «контрконтрсуггестии» — инструмента подавления, преодоления этого сопротивления. В свою очередь, возникновение пары «контрсуггестия — контрконтрсуггестия», с одной стороны, выталкивало неантропа в бесконечный процесс усовершенствования форм того и другого (См.: Поршневу Б. Ф. Контрсуггестия и история), а с другой, делало возможной и необходимой интериоризацию внешнего взаимодействия во внутренний диалог. Но это случилось уже много позже...»<КЦ>

Генезис речи-мышления: суггестия и дипластия

Теперь слово переходит к самому Б. Ф. Поршневу, и дальше я привожу несколько выдержек из 7-й главы «Генезис речи-мышления: суггестия и дипластия» его монографии «О начале человеческой истории» (вместе со своими комментариями), которые составляют дополнение и пояснение к тому, что изложено в статье О. Т. Вите¹³, опирающейся на предыдущие главы.

Б. Ф. Поршневу, объясняя генезис социальности, и прежде всего, речи и мышления, пришел к существенному изменению прямолинейного представления о том, как «труд создал человека». Не отрицая роль труда, как одной из важнейших предпосылок социальности, решающее значение он придает не изолированным отношениям «организм-среда», пусть и трудовым, а специфическим изменениям в отношениях между индивидами, в способах их взаимодействия и воздействия друг на друга:

<НЦ> «Я исхожу из совершенно иных представлений в этом вопросе. Возникновение понятийного мышления, по моему мнению, невозможно объяснить в плане прямолинейного эволюционного усложнения взаимодействий между организмом и средой. Его истоки лежат в новых отношениях между индивидами, а не в отношениях одиночника-индивида к природе. Это не какая-либо другая проблема наряду с проблемой возникновения общества, а другая сторона той же самой проблемы. Речь возникла прежде всего как проявление и средство

формирующихся общественных отношений: средство людей воздействовать на поведение в отношении друг друга. Чтобы было понятие, должно быть налицо не только отношение индивида к среде, но и отношение между индивидами, причем такое, какого нет ни у каких животных даже в зародыше, ибо оно противоположно отношениям животных.

Надо понять, что две ошибки одинаково плохи: нельзя ни биологизировать явления, управляемые общественными законами, ни втягивать социологизм и психологизм в область биологических явлений. В вопросах антропогенеза надо прежде всего выяснить на практике, насколько методы биологических наук помогают объяснять факты. Только тогда мы ясно увидим границу новых, уже не биологических закономерностей». <КЦ>

Новаторским для его времени и господствовавшей тогда идеологизированной науки было утверждение о подчинении первобытного производства опять же не утилитарным целям индивидуального или группового потребления, а социальным отношениям. Стимуляцию этого отказа от прямого потребления благ Б. Поршневу предложил понять через некоторые особенности работы мозга:

<НЦ> «У человека работу центральной нервной системы можно разделить на три блока: 1) сенсорно-афферентный, т.е. осуществляющий прием, анализирование, ассоциирование разнообразнейших раздражений; 2) эффекторный, т.е. осуществляющий двигательные и вегетативные реакции, в том числе большие системы действий с их поэтапной корректировкой; 3) суггестивный, т.е. осуществляющий замену указаний, поступающих с первого блока, или ответов, свойственных второму блоку, другими, вызываемыми по второй сигнальной системе. Функцию этого третьего блока называют также «регулирующей» как восприятие, так и поведение, но надо помнить, что тут речь идет о регулировании по происхождению своему межличностном — исходящем от другого индивида или других индивидов; лишь в своем развитии впоследствии (по Выготскому — Лурия) функция, которая была раньше разделена между двумя людьми, становится способом самоорганизации деятельности одного индивида, интерпсихическое действие превращается в интрапсихическую саморегулирующуюся систему; это связано с преобразованием суггестии в контрсуггестию». <КЦ>

Дальше следует анализ функций отделов головного мозга, связанных с общением, и вывод из него:

<НЦ> «... У истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т.е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого — особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения». <КЦ>

Б. Поршневу, таким образом, подчеркивает, что из двух основных функций речи — сообщения информации и регуляции человеческого поведения — исторически первой является вторая функция. Причем им утверждается и то, что «речь — единственное (а не “одно из наиболее существенных”) средство регуляции человеческого поведения». В полемике с А. Р. Лурия он отстаивает представление о том, что

<НЦ> «вторая, выделенная здесь, можно сказать открытая Выготским и им, регулирующая функция существовала некогда сама по себе в чистом виде, до того, как в эволюции человека к ней присоединилась или над ней надстроилась функция информации, обмена опытом. Но дальнейшие успехи в изучении нейропсихологии речевой деятельности возможны только посредством генетического расчленения ее на разные ступени. Только когда мы выделим не просто “играющую значительную роль” функцию, но регулятивную или инфлюативную фазу в теории возникновения второй сигнальной системы, мы выйдем на дальнейшую широкую научную дорогу». <КЦ>

По-афористичному четким является в этой полемике поршневу определение одного из существенных различий между животным и человеком:

<НЦ> «Животные, даже в стаде, являются прежде всего индивидуальными организмами. Человек, даже в одиночестве, является прежде всего носителем второсигнальных воздействий и тем самым социального опыта и социальной истории»¹⁴. <КЦ>

Здесь я настоятельно рекомендую читателям обратиться к началу 2-й главы «Общество как объективная реальность» работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование ре-

альности», к подпараграфу «Организм и деятельность»¹⁵, который составляет удивительный парафраз к поршневному тексту. Фактически Б. Ф. Поршнев своей концепцией закрывает лауну в социальном конструкционизме П. Бергера и Т. Лукмана, предлагая весьма правдоподобную и стройную гипотезу перехода от животного состояния к социальному взаимодействию и описывая весьма существенный инструмент этого воздействия, что по-новому высвечивает построения этих западных социологов.

За приведенным афоризмом идут размышления

<НЦ> «о пути, генетически пройденном второй сигнальной системой. Первую часть этого пути составляла фаза, когда она, собственно, не была средством “отражения” чего-либо из предметной среды, а была реагированием лишь на специфические воздействия людей, причем автоматическим (роковым), как, скажем, взаимосвязь органов внутри организма, т.е. принадлежала к бытию, а не к сознанию или познанию. Главы, посвященные тормозной доминанте, имитации и интердикции, уже подготовили читателя к пониманию того, о чем мы говорим. Вторая сигнальная система родилась на фундаменте интердикции. Это был объективный механизм межиндивидуального воздействия на поведение. Дело не меняется от того, что теперь перед нами явление “интердикция интердикции” — свойственные Homo sapiens механизмы парирования интердикции.

И. П. Павлов не успел познать весь скрытый потенциал своей великой научной идеи о двух сигнальных системах у человека. Он шел от того, что открыл в высшей нервной деятельности животных. Он писал: “Слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные, общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие”, ибо “слово благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека связано со всеми внешними и внутренними раздражителями, приходящими в большие полушария (всех их сигнализирует, всех их заменяет), и может вызвать все те действия, реакции организма, которые обуславливают те раздражения”. Ныне наука вправе пойти дальше в суть дела. Слово только ли заменяет и сигнализирует “все” раздражители, т.е. только ли изоморфно им, или оно делает еще что-то, чего они не делают и чего в них нет? Простейшая иллюстрация: разве комбинации слов не производят постоянно и объекты, которых нет в мире реальных раздражителей, но которые становятся образами, а часть которых позже воплощается в реальность средствами искусства и техники? А что значит при ближайшем рассмотрении выражение, что слово “заменяет” все внешние и внутренние раздражители: не ясно ли, что, прежде чем “заменять”, слово должно было освобождать место для замены, т.е. “отменять” те реакции, те действия организма, которые прежде вызывались этими раздражителями, т.е. тормозить их? Между тем физиологи, исследовавшие вторую сигнальную систему человека, увязли в простых параллелях между словами и первосигнальными раздражителями. ...

Но когда речь идет о генезисе этих человеческих закономерностей, даже говорить об их “отличии” от высшей нервной деятельности животных было бы недостаточно и неопределенно. На деле то было появлением врага, противника у первой сигнальной системы. Организм стал производить действия, не диктуемые его собственной сенсорной сферой. Следовательно, он не стал производить действий, диктуемых этой его собственной сенсорной сферой. Последние в этот момент подавлены, поражены.

Долго, очень долго вторая сигнальная система была всего лишь таким фактором, управляющим некоторыми действиями, целыми цепями действий, вторгаясь там и тут в поведение ранних людей. Она отвоевывала все более обширные поля у первосигнальной детерминации поведения. А неизмеримо позже она приобрела знаковую функцию, слова и системы слов стали нечто означать и значить, в том числе “заменять” первосигнальные раздражители.

Но мало расчленив историю второй сигнальной системы на эти два столь глубоко различных этапа. Хоть такое расчленение и важно и трудно, все же самое трудное — исследовать и объяснить, как же именно одно явление превратилось в другое. Этим мы и должны заняться ниже.

Сначала подведем итог сказанному. У порога истории мы находим не “надбавку” к первой сигнальной системе, а средство парирования и торможения ее импульсов.

Только позже это станет “надбавкой”, т.е. отрицанием отрицания. Важным шагом к такому преобразованию служит превращение интердикции в суггестию, хотя последняя и лежит еще в рамках инфлюативного этапа второй сигнальной системы. Суггестия становится фундаментальным средством воздействия людей на поступки и поведение других, т.е. особой системой сигнальной регуляции поведения.

Эта нейрофизиологическая система взаимного оттормаживания и побуждения тех или иных действий предшествует возможности возникновения общественных отношений и общества, но в то же время может рассматриваться как первичная завязь общественных отношений.

Как мы выше констатировали, суть этой системы в том, что она побуждает индивида делать что-либо, что не диктуется собственными сенсорными импульсами его организма. Причем она явно и далеко выходит за пределы имитативного побуждения, присущего и животным. В этом смысле она уже антибиологична.

Вот каков корень у закономерности экономического поведения первобытных людей. Как видим, он уходит в наидревнейшую глубину истории. Мы находим там не деятельность одиночек, оббивающих камни, которой так злоупотребляют многие авторы для объяснения начала истории, а прежде всего отношения людей — отношения столь непохожие на те, какие кажутся единственно нормальными этим авторам. История первобытного общества в его нормах, обычаях несла еще долгие последствия указанной начальной системы человеческих взаимодействий — даже тогда, когда появились и развились следующие, более поздние формы речевого общения. То были антибиологические отношения и нормы — отдавать, расточать блага, которые инстинкты и первосигнальные раздражители требовали бы потребить самому, максимум — отдать своим детенышам либо самкам». <КЦ>

Суггестия

Со следующей цитаты начинаются отрывки из параграфа, который так и называется — «Суггестия»:

<НЦ> «Наибольшую ступень интердикции мы назвали генерализованной интердикцией: имитационное провоцирование некоторого одного действия парализует возможность каких бы то ни было других действий (очевидно, за исключением функционирования автономной нервной системы) и это состояние парализованности, вероятно, может продолжаться долго — даже после прекращения действия данного имитатогенного агента.

Тем самым высшую форму интердикции можно было бы считать низшей формой суггестии: это уже не торможение лишь того или иного отдельного действия, но навязывание некоего состояния, допустим, типа каталепсии. Однако таков лишь зачаток суггестии, ибо под ней (под «внушением») понимается возможность навязывать многообразные и в пределе даже любые действия. Последнее предполагает возможность их обозначать. Между этими предельными рубежами умещается (развивается) явление суггестии. Нас прежде всего интересуют его первые шаги.

Надо напомнить еще раз коренной тезис, что вначале, в истоке, вторая сигнальная система находилась к первой сигнальной системе в полном функциональном и биологическом антагонизме. Перед нашим умственным взором отнюдь не «добрые дикари», которые добровольно подавляют в себе вождедения и потребности для блага другого: они обращаются друг к другу средствами инфлюации, к каковым принадлежит и суггестия, для того чтобы подавлять у другого биологически полезную тому информацию, идущую по первой сигнальной системе, и заменять ее побуждениями, полезными себе. Это явление инфлюации, в том числе суггестии, не имеет никакого отношения к гносеологии. Сколько обвинений в идеализме и мистицизме было обрушено на вывод Леви-Брюля о “прелогическом мышлении”, тогда как это явление действительно существовало на заре истории и проявлялось впоследствии, но только оно не было “мышлением”: оно было подавлением первосигнального (еще единственно вер-

ного тогда) способа отражения окружающей среды и системой принудительного воздействия на поведение друг друга. Да, оно принадлежит не к гносеологии, а к онтологии. Это только взаимодействие особей. Тут нет отношения субъекта к объекту, а есть лишь отношение организма к организму. “Прелогическая стадия” ничуть не угрожает логике: тут логике еще решительно нечего было делать. Мы убедимся, что и антилогика в самом деле гораздо раньше объявилась в этой сфере отношений между индивидами, чем логика в сфере человеческого познания». <КЦ>

Далее следует обширный анализ развития мозга у предков человека и функций различных мозговых зон у человека, а также анализ лингвистических материалов, который я опускаю. Остается привести лишь еще несколько чрезвычайно ценных идей Б. Поршнева, которые прямо вписываются в тему суггестии. К ним, в частности, относятся предположения о механизмах сопротивления интердикции:

<НЦ> «Если интердикция (в начальном смысле, т.е. “интердикция I”) еще чисто органический факт, хотя является аппаратом связи организмов, то суггестия на всем пути своего становления есть противодействие этой связи и новое преодоление этого противодействия и так далее. В этом качестве она совершенно специфична по отношению к собственной органической основе. Ключ ко всей истории второй сигнальной системы, движущая сила ее прогрессирующих трансформаций — перемежающиеся реципрокные усилия воздействовать на поведение другого и противодействовать этому воздействию. Эта пружина, развертываясь, заставляет двигаться с этапа на этап развитие второй сигнальной системы, ибо ни на одной из противоположных друг другу побед невозможно было остановиться.

По первому разу интердикция могла быть отброшена, как мы помним, просто избеганием прямого контакта — отселением, удалением. К числу первичных нейрофизиологических механизмов отбрасывания интердикции, судя по всему, следует отнести механизм персеверации (настаивания, многократного повторения). Он имеет довольно древние филогенетические корни в аппарате центральной нервной системы, наблюдается при некоторых нейродинамических состояниях у всех высших животных. Нельзя локализовать управление персеверацией у человека в каких-либо зонах коры головного мозга: как патологический симптом персеверация (непроизвольное “подражание себе”) наблюдается при поражениях верхних слоев коры разных отделов, в частности, в лобной доле. Но кажется вероятным, что на подступах к возникновению второй сигнальной системы роль персеверации могла быть существенной. Инертное, самовоспроизводящееся «настаивание на своем» могло выгодно послужить как одной, так и противной стороне в отбрасывании или в утверждении и закреплении интердикции, следовательно, в генезе суггестии. Запомним, что последняя должна быть понята не просто как повеление, но как повеление, преодоление, преодолевающее отказ, — впрочем, в противном случае оно даже и не повеление. Если же последующие исследования и не отведут специального места персеверации в филогенезе второй сигнальной системы, остается уверенность, что на позднейших этапах это довольно элементарное нервное устройство просыпалось снова и снова, становясь опорой всюду, где требовалось повторять, повторять, упорно повторять, — в истории сознания, обобщения, ритуала, ритма». <КЦ>

После анализа роли эхολалии в процессах «понимания-непонимания» следует интересный пассаж про молчание:

<НЦ> «Наконец, вот еще один механизм того же, восходящий, вероятно, к той же ранней поре — к финалу чисто суггестивной стадии эволюции второй сигнальной системы. Это — ответ молчанием.

Молчание может быть двоякого рода. Одно отвечает доречевому уровню. Это животное молчание. Другое — перерыв, тормоз в речевом общении. Такое молчание второго рода было гигантским приобретением человечества. Оно тоже принадлежит к механизмам отказа от непосредственного выполнения суггестии, но и от парирования ее эхολалией или квазиэхолалией. Молчание — генерализованное торможение речевой функции: тут уж нет подобия даже “неэквивалентного обмена”, ибо в обмен не дается вообще ничего. Но это “ничего” весьма весомо. Во-первых, оно есть пауза — разграничитель звуковых комплексов и тем самым фак-

тор превращения неопределенно длительных звучаний в слова. Во-вторых, молчание в ответ на словесный раздражитель есть промежуточное звено к ответу действием, движением, но теперь предварительно пропущенным сквозь нейродинамическое сито дифференцирования словесных раздражителей. В-третьих, ответ молчанием есть первый шаг становления “внутреннего мира”. Пока длится молчание, оно составляет оболочку для интериоризованных, внешне не проявляющихся реакций, будь то по речевому или неречевому типу. Следовательно, молчание — это ворота к мышлению¹⁶.

Но пока мы еще не вышли из мира суггестии. Мы только обзрели те барьеры, которые суггестия на этапе своей зрелости должна преодолевать, чтобы оставаться фактором принуждения в человеческом общении. Эти барьеры — ее закалка. Суггестия вполне находит себя, когда она властна не над незащищенным, а над защищенным перечисленными средствами, т.е. преодолевает их.

Оставаясь еще в мире суггестии, мы тем самым исследуем только и исключительно систему материальных нейрофизиологических воздействий людей на поведение людей. Это поначалу просто своеобразное проявление тормозной доминанты, ее инверсия, вернее, целая серия инверсий в общении первобытных людей эпохи их отпочкования от троглодитов. На уровне суггестии вторая сигнальная система не имела никакого отношения к тому, что философия называет сознанием, как и познанием. Но она не только интериндивидуальный феномен, ибо все настойчивее затрагивала и то, что индивид делает в окружающей природной среде: сначала тормозила его действия, затем уже и требовала какого-то действия. Да и самые простые тормозящие команды, если они тормозят лишь определенное действие, ставят перед побуждаемым организмом немало задач конкретного осуществления: “иди сюда” или “пошел вон” могут требовать преодоления каких-либо препятствий, осуществления каких-либо предваряющих поступков; “отдай”, “брось” могут потребовать отчленения или иных операций с предметами. Одним словом, если индивид не прибегает к попыткам не выполнить предписываемое, парируя суггестию, а подчиняется ему, то он оказывается перед вопросом: как его выполнить? Следовательно, чем более суггестия расчлняется, тем многообразнее и тоньше операционные задачи, возникающие перед человеком.

Мы помним, что суггестия по своему физиологическому генезису противостоит и противоречит первой сигнальной системе, а именно тому, что подсказывает и диктует организму его собственная сенсорная сфера. Теперь, с развитием суггестии, вся задняя надобласть коры мозга, включающая височную, теменную и затылочную области, должна приспособливаться, пристраиваться к необходимости находить во внешней среде пути к выполнению заданий. Это требовало развития корковых анализаторов, развития перцептивной и ассоциативной систем особого, нового качества. Функции и органы гнозиса и праксиса приобрели у нас человеческую специфику вместе с развитием суггестии.

Таким образом, не тот “труд” каждого по отдельности, на который делает упор индивидуалистическая концепция антропогенеза, усовершенствовал мозг *Homo sapiens*, не та «деятельность» каждого одиночки перед лицом природы, а выполнение императивного задания, т.е. специфическое общение (суггестия). Другое дело, что тем самым суггестия несет в себе противоречие: зачинает согласование двух сигнальных систем, из противопоставления которых она вышла. Это противоречие окажется продуктивным: оно приведет к контрсуггестии. Однако это произойдет на более позднем этапе эволюции». <КЦ>

Кодирование (социальное непонимание). Слова и вещи

Последние две идеи, которые, как мне кажется, нельзя здесь обойти вниманием, это объяснение кодирования (социального непонимания) и последовательности связи между словами и вещами.

<НЦ> «Мы все время оперировали двумя партнерами, вернее, двумя сторонами (ибо каждый «партнер» мог быть и множественным). Представим себе теперь, что перед нами три действующих лица, т.е. три соучаствующих стороны. В таком случае инициатором или соучастником всякой «непонятности», всякого «барьера» может быть и сам суггестор, если он

не намерен воздействовать на поведение некоторых реципиентов, — именно тех, которые владеют “кодом” самозащиты, или же, напротив, намерен воздействовать только на них, минуя остальных. Кстати, мы тем самым возвращаем слову “код” его настоящее значение, утраченное современной кибернетикой: “код” может быть только укрытием чего-то от кого-то, т.е. необходимо подразумевает трех соучастников — кодирующего, декодирующего и акодирующего (не владеющего кодом). В противном случае связь первых двух звеньев столь же бессмысленно величать “кодом”, как величают “запоминающим устройством” депо или склад чего-либо.

Итак, метаморфозы суггестии, намеченные выше, вполне согласуются с такой антропогенетической канвой: три соучастника — это три градации, которые мы выше наметили в устойчивом переходном мире ранних (ископаемых) неантропов, а именно: 1) еще весьма близкие к палеоантропам, т.е. полунеандерталоидный тип, 2) средний тип, 3) наиболее продвинутое в сторону сапиентации. Все вместе они, или по крайней мере второй и третий тип, стояли в биологическом противоречии, каковому противоречию и соответствует первоначальная завязь суггестии. Она достигает все большей зрелости внутри этого мира ранних неантропов, причем наиболее элементарные формы суггестии действительны по отношению к более примитивному типу, а более сапиентные варианты неантропов избегают воздействия суггестии благодаря вырабатывающимся предохранительным ограждениям. Чем более усложненный вариант суггестии мы рассматриваем, тем более он отвечает отношениям уже между сапиентными формами, становясь “непонятным” для отставших. Естественный отбор весьма энергично закреплял формирование соответствующих устройств (эхолалических, парафазических и др.) в мозге неантропов и размывал средний тип; все дальше в стороне от эволюции суггестии оставался неандерталоидный тип. Полная зрелость суггестии отвечает завершению дивергенции. Но к этому времени среди самих *Homo sapiens* уже распространилось взаимное обособление общностей по принципу “кодирования” своей общности от чужих побуждений, т.е. самозащиты “непониманием” от повелений, действительных лишь среди соседей». <КЦ>

Б. Ф. Поршнев, таким образом, объясняет барьерами «непонимания» и отграничивание друг от друга различных форм предков человека, когда более развитые предки ускользают от воздействия ранних форм суггестии, а более примитивные предлюди оказываются неспособными «понять» более совершенные формы суггестии; и возникновение «кодовых барьеров» между обособленными группами собственно людей как феномен защиты от «чужой» суггестии. Вот и еще одна интерпретация, одна из самых обоснованных, как мне кажется, мифа о Вавилонской башне, только описываемый Б. Поршневым процесс явно начинается задолго до Вавилона.

Возникновение коммуникативно-информационной функции речи

Итак, я в основном познакомил читателя с изложением поршневокских представлений о развитии регулятивно-поведенческой функции суггестии, суггестивной речи. Неизбежно встает следующий вопрос: как из этой функции выросла другая, коммуникативно-информационная, которая теперь кажется нам почти что единственной? Б. Поршнев отвечает на этот вопрос в 4-м параграфе «Вторжение вещей» той же 7-й главы:

<НЦ> «Знакомство с феноменом суггестии и с ее развитием раскрыло, что во времена начальных ступеней второй сигнальной системы функция отражения предметной среды оставалась в полной мере за первой сигнальной системой. Последняя продолжала ведать всей самостоятельной предметной деятельностью каждого индивида. Как уже говорилось, с психологической и философской точки зрения вторая сигнальная система на своих ранних стадиях не имеет связи с проблемами познания, мышления, взаимной информации.

Но тем самым со всей силой встает вопрос: когда же и как возникла эта связь? Как попали вещи, предметы, объекты в сферу звукоиспусканий и звуковосприятий? Если угодно, наоборот: как проникли эти нейрофизиологические вокализационные механизмы взаимодействия особей в сферу обращения с объектами, предметами, вещами? ...

Ниже излагается, видимо, единственная мыслимая разгадка.

Слова еще не обозначали вещей, когда вещи были привлечены для обозначения слов, а именно для их дифференцирования. Нужно думать, что потребность в различении звуковых суггестивных комплексов — обособлении таких, на которые “не надо” отвечать требуемым действием, от тех, на какие “все-таки надо” отвечать, — с некоторой поры более и более обгоняла наличные речевые средства. Для умножения числа этих внутренне аморфных и диффузных звуковых комплексов надо было бы создавать все новые тормозные фонологические оппозиции или новые сочетания из уже наличных комплексов, а возможности к тому были крайне бедными. Неограниченные языковые средства возникнут только много позже — с появления синтаксиса (синтагматики, парадигматики). Однако гораздо раньше было использовано другое средство: если один и тот же звук (“слово”) сопровождается двумя явно различными движениями говорящего, т.е. двумя его отчетливо дифференцируемыми адресатом действиями, это уже два разных слова. Но подавляющая часть действий предметна, т.е. действия производятся с теми или иными предметами: действия нельзя смешать между собой именно благодаря тому, что отчетливо различны вещи, объекты манипулирования или оперирования. Так-то вот вещи и втерлись в слова!

Это по-прежнему только общение, но еще не сообщение чего-либо. Обогатились только тормозящие или предписывающие какое-либо действие сигналы: из чисто звуковых они стали также и двигательно-видимыми. Говоря о “вещах” как дополнительных индикаторах, различающих между собой акустически подобные друг другу сигналы, мы имеем в виду “вещи” в самом широком смысле материальных фактов — и акты, и объекты. Торможение или предписание какого-либо действия теперь осуществляется не просто голосом, но одновременно и двигательным актом, например руки (вверх, вниз), а в какой-то значительной части случаев также показом того или иного объекта. Так при небольшом числе доступных голосовых сигналов теперь могло быть осуществлено значительно возросшее число фактически различимых суггестивных команд. Не служит ли тому иллюстрацией и подтверждением факт палеолингвистики: древнейшие корни оказываются полисемантическими — целыми семантическими пучками, т.е. одно “слово” было связано с несколькими разнородными “вещами”? Вернее было бы считать, что это как раз несколько разных “слов”, но при одинаковом звуковом компоненте. Слабым следом того состояния являются ныне омонимы. Однако тогда вещи были не денотатами, а значками». <КЦ>

Таким образом, мы прошли по пути, проложенному талантом (возможно, даже гением) Б. Ф. Поршнева, от животной интердикции через суггестию к полноценной человеческой речи. Подчеркну еще раз революционность его взглядов, особенного для *того* времени и *тех* условий — он выводит начало антропогенеза из общения, точнее, из конкретного механизма взаимовлияния становящихся людей, суггестии. Вероятно, каким-то образом историческая память об этом отразилась в первой строчке Ветхого Завета: «Вначале было Слово...». Благодаря Б. Ф. Поршневу, мы можем теперь уточнить это утверждение следующим образом: «Началом была суггестия, а потом она стала словом, а слово лишь затем вобрало в себя мир». Как он сам пишет в последнем параграфе, названном «Генезис образов, значений и понятий»:

<НЦ> «Начнем этот последний раздел снова с отмежевания от позиции, кажущейся весьма материалистичной, — от выведения “начала человека” из его индивидуальной “деятельности” во внешней среде; альтернативой этой позиции является тезис о первичности общения в акте антропогенеза, которое первоначально служит не “прибавкой” к животной жизнедеятельности в среде, а, напротив, “убавкой”, т.е. торможением ее; лишь затем происходит взаимопроникновение факторов общения и природной среды в сознании и сознательном труде людей». <КЦ>

Я же еще раз обращаю внимание читателя на близость этой позиции социологической и социально-психологической концепции социального конструкционизма и ряду других когнитивно-коммуникационных подходов в психологии и социологии.

Понятно, что суггестия как феномен и как механизм взаимовлияния людей друг на друга не растворилась без остатка в позднейших интерактивных процессах, связывающих людей, а

осталась, хотя и в модифицированных формах, одним из главных «игроков» человеческой коммуникации. Лично для меня наибольший интерес теперь представляет задача проследить суггестию как компонент современных манипулятивных процессов воздействия на личность и на массы, варианты ее конструктивного и деструктивного использования, выяснить способы защиты от нее и утилизации в позитивных целях, уточнить соотношение манипуляции и суггестии.

Суггестия и транзактный анализ

В заключение я приведу пример того, как возможна стыковка идей Б. Ф. Поршнева с некоторыми подходами в практической психологии и психотерапии, в частности, с транзактным анализом (буквально по-русски — с анализом взаимодействия) Э. Берна. Вот как делает такой заход российский психотерапевт М. Папуш:

<НЦ> «Мне кажется, что именно в идее “экстеропсихики”, понимаемой в смысле интериоризации, Берн ближе всего подходит к сути того, что является наиболее “фирменным” в транзакционном анализе и на что, собственно, указывает само его название: здесь обнаруживается идея *коммуникативного подхода к психике*.

Берн явно и очевидно принадлежит к тем психологам (к ним можно причислить также Грегори Бейтсона и его школу, Милтона Эриксона, из русских психологов и философов — Л. С. Выготского, М. Бахтина и др.), которые полагают, что в самой сердцевине психических процессов человека лежит коммуникация: не в качестве вторичного поведенческого феномена, а в качестве наиболее фундаментального основания личностных структур.

Элементы берновской схемы — Родитель, Взрослый и Ребенок — это прежде всего *интериоризация элементов внешних, “реальных” транзакций*, то есть “вбирание в себя” индивидом тех взаимодействий, которые первоначально разворачиваются между различными индивидами. Для более подробного рассмотрения этого аспекта берновской схемы полезно привлечь концепцию Б. Ф. Поршнева — замечательного теоретика, который мог бы при других условиях стать основоположником крупнейшей психологической школы (“Он в Вене был бы Фрейд, в Швейцарии — Карл Юнг, у нас...”). У нас он был историком, занимался народными восстаниями средневековья и за это был терпим начальством, а в качестве хобби решал проблему происхождения человека.

Он мыслил в совершенно “правоверных” терминах, в рамках павловских “сигнальных систем” (тем ярче его ни в какие ворота не лезущие прозрения). Вопрос звучал так: качественной особенностью человека и всего человеческого является “вторая сигнальная система”; вторая сигнальная система может возникнуть только из первой (не бог же создал); но из первой, сколько ее ни развивай, вторая сигнальная система с ее качественной спецификой не выводится: парадокс новообразования в развитии.

И ответ Поршнева нашел в особом (в нашем контексте не так важно, как именно это у него описано) соединении *двух* “первых сигнальных систем”. Иными словами, две дочеловеческие особи при определенных условиях начинают взаимодействовать “не-первосигнальным” образом.

Первый, решающий момент такого соединения состоит в “*интердикции*”, посредством которой одна особь “выключает” функционирование первой сигнальной системы другой особи, так что та перестает быть “организмом-в-среде” и переходит в состояние “коммуникативного приема”. Раскручивая спираль интердикций, контр-интердикций и контр-контр-интердикций по гегелевской схеме триады и предполагая возможность интериоризации одной особью всей ситуации на каждом этапе развертывания, Поршнева получает *суггестию*, которую и объявляет основополагающим феноменом второй сигнальной системы.

На обычный язык это можно перевести следующим образом. Человека характеризует прежде всего использование речи. Речь, которая кажется более или менее отображающей внешний мир вообще и ситуацию человека в частности, возможна и нужна лишь в силу этого “более или менее”: если бы речь была буквальным отображением внешней ситуации, она была бы бесполезной. В “разрыве” этого “более или менее” находится самое главное: речь

несет в себе специфические, только людям (в отличие от животных) свойственные *социальные отношения*, отношения людей друг к другу. Суть этих отношений — *суггестия*: люди управляют друг другом не как биологические организмы, а как социальные существа; это и выделяет человека из мира животных.

Полезно здесь заметить, что в рамках этих представлений человеческая социальность принципиально отличается от существующих в мире животных (на самых разных уровнях развития, от пчел до горилл) паттернов коллективного поведения. Суть этого отличия состоит именно в интериоризации: человек “вбирает” в себя социальные отношения, становится не только их “объектом”, но и их “субъектом”.

Взаимодействия между людьми, будучи интериоризованными, то есть собранными и разыгрываемыми в одном индивиде, — это и есть человеческая *психика*. Сущность этих взаимодействий — по Поршневу — есть суггестия.

Суггестия состоит в том, что один организм начинает управлять поведением другого организма, который при этом ведет себя *не в соответствии с собственным приспособлением к среде*, то есть не по принципу первой сигнальной системы, а *в соответствии с требованиями или запросами другого*. В этом Поршневу и видит основу и сущность “второй сигнальной системы”, попросту — речи.

Дальше у Поршнева также раскручивается триада, дополняющая суггестию контр-суггестией и контр-контр-суггестией, но об этом необходимо поговорить гораздо подробнее, поскольку это приводит нас назад к берновской схеме¹⁷. <КЦ>

Дальнейшие рассуждения и построения М. Папуша читатель найдет в указанной статье, я же здесь прерываю мини-хрестоматию, посвященную концепции внушения Б. Ф. Поршнева, теша себя надеждой, что этот труд не был бесполезен для читателей и что изложенные идеи и намеченные межконцептуальные связи окажутся для них плодотворным источником.

¹Примечания

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995.

(http://www.people.nnov.ru/volkov/social_psychology/berger_p_luckmann_t/index.html)

² Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). — М.: Мысль, 1974. (<http://psylib.kiev.ua/books/porsh01/index.htm>)

³ См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. В. В. Румынского под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна — М.: Аспект Пресс, 1999.

(http://www.people.nnov.ru/volkov/social_psychology/Ross_L_Nisbett_R/index.html)

⁴ См.: Покрасс М. Л. Залог возможности существования. Четвертая категория психологии. — Самара: Бахрах, 1997. Концепции Б. Ф. Поршнева и М. Л. Покрасса, на мой взгляд, отражают своеобразный пик развития советской психологии: 1960-е годы в СССР — еще пожинающие плоды досоветской включенности в мировую науку и контактов 1920-х и начала 1930-х годов, сохранившаяся опора на незатронутые тоталитарной коррозией традиции научной мысли. Сейчас же мы во многом еще пожинаем гнилые «плоды» разрыва этих связей и традиций, почти испарившихся в 70-е и 80-е годы.

⁵ См.: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. яз. под общей редакцией Н. А. Головина и В. В. Козловского. — СПб.: «Алетейя», 1999. — С. 187-246; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.

⁶ См: Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. Именно в этом издании российский читатель получил полный текст знаменитых книг Э. Берна, во всех предыдущих переводах половина текста, содержащего как раз основные теоретические рассуждения, была купирована.

⁷ Ковалев А. Д. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. — С. 6.

⁸ Папуш М. П. Что делать с Эриком Берном // Берн Э. Секс в человеческой любви. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 341.

(http://www.people.nnov.ru/volkov/psychology/communication_transaction/Papush_M_P_What_do_with_E_Berne.html)

⁹ Вите О. Т. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение // Полития, 1998, № 2. Эта статья и статья о биографии Б. Ф. Поршнева есть в интернете: .

¹⁰ Папуш М. П. Что делать с Эриком Берном. — С. 329-380.

¹¹ Вите О. Т. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение.

¹² От слова “interdiction” (англ.) — запрещение, запрет; воспрещение, ограждение, затруднение; лишение дееспособности.

¹³ В силу ряда причин, прежде всего дефицита времени на поиск ставшей библиографической редкостью книги (ее тираж тридцатилетней давности был всего 180 (сто восемьдесят!) экземпляров), мне пришлось пользоваться сосканированным сетевым текстом без обозначения страниц бумажного издания.

¹⁴ Тут невольно вспоминается последняя фраза героини фильма «Раба любви» в исполнении Елены Соловей: «Господа! Вы не люди, вы звери!..» Блестящий анализ различий между человеком и животными и Б. Ф. Поршнева, и П. Бергера с Т. Лукманом показывает, что человек уже принципиально неспособен вернуться к собственно животной, или «первосигнальной» (по И. Павлову и Б. Поршневу), связи с природой (средой). Все его (человека) поведение есть полностью социокультурное явление, которому подчинена и биологическая основа его жизни. В этом смысле воззрения З. Фрейда кардинально противоречат современным научным представлениям: основной «энергетический заряд» Ид (если принимать фрейдский энергетический подход и структуру психики) — это социокультурная энергия чело-

веческих отношений, беспощадно подминающая под себя всю физиологию. Поршнева концепция роли суггестии в антропогенезе — это великолепный научный ответ субъективным фантазиям психоанализа. Суггестия возникла на биологическом субстрате, но как механизм подчинения этого субстрата социальности.

Вынужден также заметить в связи с этим, что незнание или непонимание этого фундаментально социального качества отношений человека с миром (с природой) и с самим собой продолжает еще сильно влиять как на искусство и литературу, так и на искусство- и литературоведческие исследования, а также на некоторые модные идейно-философские течения. Попытки искать «животное в человеке», «вернуться к связи с природой», обратиться к «незамутненным культурой истокам», открыть некую внекультурную и внеисторичную «организменную связь с Космосом» (чем сильно грешит, например, психология в духе Карла Роджерса, стремящаяся соединить кастрированный от истории гуманизм с утопической «общекосмической тенденцией к самоактуализации») — все это в лучшем случае быстро пустеющие метафоры, а в худшем — опасный утопизм.

В человеке все — человеческое. Именно с этой неделимой целостностью (а не с «космо-природно-животной» холистичностью) и желательно, и единственно продуктивно иметь дело (не забывая, естественно, о биоэкологии). А разделение человека на противостоящие сущности или силы (на «биологическое» и «социальное», «естественное» и «культурное», «животное» и «чисто человеческое», «плохое» и «хорошее», «мирское» и «духовное», «организменное» и «условно-ценностное», и т.п.) ведет, как хорошо показали Д. Крамер и Д. Олстед, к авторитаризму (в пределе — к тоталитаризму) и деструктивным зависимостям, мешая подлинному решению человеческих и социальных проблем (См.: Крамер Д., Олстед Д. Маски авторитарности: Очерки о гуру. — Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2002). Только освобождение от суггестивного морока подобных дихотомий позволит человеку встать лицом к лицу с необходимостью взять на себя настоящую ответственность за творимую им социальную реальность, за свою жизнь, за качество и последствия всего, что он совершает.

¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — С. 80-89. (www.people.nnov.ru/volkov/social_psychology/berger_p_luckmann_t/chapter_2.html)

¹⁶ Весьма любопытную параллель этим мыслям Б. Поршнева я нашел в работе гештальт-терапевта Дж. Энрайта «Позиция слушателя-терапевта», предлагающего начинать обучение осознанной коммуникации именно с молчания, которое он называет «нулевой позицией слушания». См.: Энрайт Дж. Позиция слушателя-терапевта // Вестник РАТЭПП, 1993, № 1-2. — С. 40-48

¹⁷ Папуш М. П. Что делать с Эриком Берном. — С. 341-344.